

НАУКА

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА ВЪ РОССИИ.

ПРОФЕССОРА КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Д. Ф. Шершеневича.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1893.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Глава I	3.
Глава II	22.
Глава III	79.
Глава IV	130.
Глава V	193.
З а к л ю ч е н і е	232.

Глава I.

Зная историческія условія умственнаго развитія Россіи, принужденной скачками догонять Западную Европу, съ которой, послѣ долгаго разобщенія, ей пришлось въ XVIII вѣкѣ сближаться, нельзя, конечно, ожидать, чтобы наука права развивалась въ Россіи самостоятельно. Молодая страна, вступившая недавно на путь культуры и цивилизаціи Западной Европы, завязавшая сношенія съ сосѣдними странами, которыхъ прежде чуждалась, естественно должна была обратиться къ нимъ съ научными запросами. Прежде, чѣмъ приступить къ самостоятельной разработкѣ науки, русскіе люди принуждены были ознакомиться съ тѣмъ, что уже было сдѣлано другими въ теченіе того долгаго времени, когда Россія спала глубокимъ сномъ въ своей національной обособленности. Чтобы учиться, необходимы были учителя, а такими могли быть только иностранцы. Понятно, что молодые русскія силы находились подъ полнымъ вліяніемъ идей своихъ наставниковъ. Много нужно было времени, чтобы въ Россіи появились самостоятельные ученые, которые дерзнули бы высказать свои собственные взгляды, независимые отъ западныхъ ученій.

Разсматривая русскую литературу гражданскаго права въ хронологическомъ порядкѣ, мы замѣчаемъ послѣдовательное отраженіе въ ней вліянія западной науки, постепенную смѣну направленій, соотвѣтствующую движенію науки права на Западѣ. Въ первое время мы находимся въ области естественнаго права, въ той формѣ, какъ оно разрабатывалось германскою и французскою наукою. Потомъ, на смѣну ему является историческое направленіе, долго державшее въ своихъ рукахъ русскую мысль, пока въ послѣднее время не проявились зачатки

новаго направленія, въ духѣ историко-философской школы. Русская наука проявляетъ замѣчательную чуткость и восприимчивость ко всякимъ новымъ вѣяніямъ западной науки и чуть зародившееся на Западѣ направленіе, еще не окрѣпшее на отечественной почвѣ, непременно находитъ сторонниковъ и пропагандистовъ среди русскихъ ученыхъ. Въ этомъ заключается вмѣстѣ и сила и слабость русской науки.

Извѣстно намѣреніе Петра I распространить въ русскомъ обществѣ юридическое образованіе. Съ этою цѣлью посылались молодые люди за границу для изученія науки права, переводились сочиненія по юриспруденціи, какъ напр. Пуффендорфа, въ переводѣ котораго принималъ живое участіе самъ государь, при учрежденной Академіи Наукъ положено было мѣсто для законовѣдѣнія. Но всѣ эти стремленія остались безъ результата. Молодые люди успѣшно выучились за границею многому, но только не наукѣ, переводныя ученныя сочиненія не находили себѣ читателей, кресло члена по законовѣдѣнію оставалось всегда вакантнымъ въ Академіи. Только университетской наукѣ, и то не сразу, удалось создать русское правовѣдѣніе.

Въ самомъ началѣ своего существованія московскій университетъ состоялъ изъ трехъ факультетовъ: медицинскаго, юридическаго и философскаго. На юридическомъ факультетѣ положены были слѣдующіе преподаватели: 1) профессоръ всей Юриспруденціи, который учить долженъ Натуральныя и Народныя Права и узаконенія Римской, Древней и Новой Исторіи; 2) профессоръ Юриспруденціи Россійской, который сверхъ вышеписанныхъ долженъ знать и обучать особливо внутреннія Государственныя Права; 3) профессоръ Политики, который долженъ показывать взаимныя поведенія, союзы и поступки Государствъ между собою, какъ были въ прошедшіе вѣки и какъ состоятъ въ нынѣшнее время ¹⁾).

Юридическій факультетъ открылъ свою дѣятельность со времени пріѣзда въ Москву изъ Германіи, въ 1756 году, Филиппа Генриха Дильтея, который довольно долго представлялъ въ своемъ лицѣ весь юридическій факультетъ. Какъ иностранцу, Дильтею трудно было ознакомиться съ исторіей рус-

¹⁾ П. С. З. № 10346, 24 января 1755, п. 5.

скаго права и съ массою указовъ, составлявшихъ дѣйствующее законодательство того времени. Поэтому Дильтею оставалось только читать западно-европейскую юриспруденцію, лишь постепенно примѣняя ее къ русской жизни. По мнѣнію самого Дильтея, общій составъ юридическихъ наукъ долженъ быть въ слѣдующемъ видѣ: 1) естественное право, 2) римское, 3) уголовное и (?) вексельное, 4) русское, 5) государственное съ изложеніемъ отношеній между государями ¹⁾. Мы знаемъ однако, что сверхъ указанныхъ наукъ онъ читалъ весьма подробно еще морское право ²⁾. Трудно понять, что собственно должно было содержать русское право въ приведенной системѣ, потому что, хотя уголовное и государственное поставлены въ отдѣльныя рубрики, но едва ли оно имѣло своимъ предметомъ гражданское право въ виду полной неподготовленности Дильтея къ преподаванію. Слѣдуетъ замѣтить, что центръ преподаванія этого ученаго заключался въ естественномъ правѣ, что вполне соответствовало духу времени.

Въ одной только части гражданского права Дильтей оказался специалистомъ, именно въ вексельномъ правѣ. Въ 1769 году онъ издалъ „Начальныя основанія вексельнаго права, а особливо Россійскаго купно со Шведскимъ“. Успѣхъ этого сочиненія среди русской публики былъ настолько великъ, что въ теченіе короткаго времени оно выдержало шесть изданій. Книга эта свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ и подробномъ знакомствѣ Дильтея съ этою частью русскаго законодательства, причемъ онъ сумѣлъ соединить изложеніе положительнаго права съ теоріею, придерживаясь въ послѣдней преимущественно Гейнекція. Не слѣдуетъ думать, что это обширное сочиненіе посвящено исключительно вексельному праву: по поводу послѣдняго Дильтей даетъ свѣдѣнія о толкованіи законовъ вообще, причемъ дѣлитъ его на виды, принятые въ современной наукѣ, объ обычномъ правѣ (навыкѣ), о различныхъ договорахъ и о существѣ контракта, о просрочкѣ, о поручительствѣ и о другихъ понятіяхъ гражданского права. По обстоятельности и подробности сочиненіе Дильтея можно признать положительно образцовымъ для его времени. При изслѣдованіи юридической

¹⁾ Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Московскаго университета, 1855, т. 1, стр. 305.

²⁾ Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, 1855, стр. 186.

природы векселя, Дильтей обнаруживает замѣчательную способность цивилиста отличать самые незначительные оттѣнки каждаго изъ договоровъ. Интересно, что Дильтей уже поднимаетъ голосъ противъ стремленія искать въ римскомъ правѣ объясненія всѣхъ явленій юридической жизни. „Нельзя стать, чтобы всѣ весьма не обманывались, которые сей родъ договора (т. е. вексель) хотѣли привести въ правила контрактовъ римскихъ правъ, когда дѣйствительно уже премножество у слѣдующихъ по нимъ народовъ родилось изобрѣтеній, о которыхъ Римляне и во снѣ себѣ не представляли“ (стр. 70 по изд. 1794 года).

Пристрастіе Дильтея къ вексельному праву сказалось на занятіяхъ студентовъ: вопросы, разрабатываемые послѣдними, представляютъ главнымъ образомъ тезисы изъ вексельнаго права. Такъ на актѣ 30 іюня 1769 года студентъ Иванъ Борзовъ читалъ по русски рѣчь на тему: „Къ однимъ ли купцамъ векселя, или ко всякому изъ обывателей въ государствѣ принадлежать могутъ?“ ¹⁾.

Изъ школы Дильтея вышли первые русскіе ученые юристы, Десницкій и Третьяковъ. Отправленные Шуваловымъ въ Англію для продолженія образованія, эти молодые люди слушали тамъ не только юриспруденцію, но и математику, химію, медицину. По возвращеніи въ Москву ихъ подвергли повѣрочному испытанію изъ наукъ юридическихъ и математическихъ ²⁾. Такой обширный объемъ изучаемыхъ наукъ не даетъ основанія требовать отъ нихъ еще спеціализаціи въ юриспруденціи. Оба они назначены были читать римское право, т. е. то, что на Западѣ понималось подъ именемъ юриспруденціи, Десницкій — пандекты, Третьяковъ — институціи и исторію римскаго права. Студенты должны были ознакомиться непосредственно съ римскими источниками, какъ это можно судить изъ того обстоятельства, что въ 1769 году Десницкій потребовалъ выписки 25 экземпляровъ *Corpus juris civilis* съ различными комментаріями Vinii, Woetii, Noodii ³⁾.

Десницкій, наиболѣе талантливый, почувствовалъ скорѣе недостаточность римской юриспруденціи для русской жизни.

¹⁾ Шевыревъ, Исторія Московскаго Университета, стр. 165.

²⁾ Шевыревъ, стр. 137 и 139.

³⁾ Шевыревъ, стр. 149.

Въ его рѣчи, произнесенной 30 іюня 1768 года, „О прямомъ и ближайшемъ способѣ къ наученію русской юриспруденціи“¹⁾, мы уже видимъ начертаніе общаго плана новой науки. Для успѣшной постановки русской юриспруденціи Десницкій признавалъ необходимымъ изученіе нравственной философіи, естественнаго права и римской юриспруденціи, какъ теоретическаго матеріала съ одной стороны, собраніе всѣхъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ правъ, законовъ, указовъ—съ другой стороны. Соединеніе такихъ элементовъ должно было дать въ результатъ русское гражданское право²⁾. „Такимъ образомъ, замѣчаетъ профессоръ Станиславскій, первый русскій преподаватель права признавалъ уже необходимость всесторонняго его изученія—потребность соединенія методовъ философскаго, историческаго и догматическаго. Фактъ этотъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ особенное наше вниманіе, что и въ университетахъ Западной Европы, во времена Десницкаго, не помышляли еще о такомъ соединеніи методовъ“³⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы судить, насколько успѣлъ Десницкій осуществить на дѣлѣ свою мысль.

Въ дѣятельности Десницкаго особенно замѣчательно направление, которое обнаруживается въ его трудахъ. Среди другихъ его работъ мы встрѣчаемъ слѣдующія два сочиненія: 1) „Юридическое разсужденіе о началѣ и происхожденіи супружества у первоначальныхъ народовъ и совершенствѣ, къ которому оно приведеннымъ быть кажется послѣдовавшими народами просвѣщеннѣйшими“, 1775, 2) „Юридическое разсужденіе о разныхъ понятіяхъ, какія имѣютъ народы о собственности имѣнія въ разныхъ состояніяхъ общежителства“, 1781. По этимъ сочиненіямъ мы видимъ, что Десницкій не былъ простымъ догматикомъ или узкимъ законникомъ, но стремился проникнуть въ ходъ постепеннаго развитія важнѣйшихъ институтовъ гражданскаго права, какъ бракъ и собственность, на почвѣ исторіи и сравненія различныхъ законодательствъ. Мысль эта представляется весьма замѣчательною для его времени.

¹⁾ Рѣчи русскихъ профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета, т. I, стр. 213—247.

²⁾ Біографическій Словарь, т. I, стр. 300.

³⁾ Станиславскій, О ходѣ законовѣдѣнія въ Россіи, 1853, стр. 36.

Нѣкоторое осуществленіе мысли Десницкаго о непосредственномъ изученіи русскаго права принадлежитъ одному изъ его учениковъ, Алексѣю Артемьеву, который въ 1777 году издалъ сочиненіе: „Краткое начертаніе римскихъ и россійскихъ правъ, съ показаніемъ купно обоихъ, равномерно какъ и чиноположенія оныхъ исторіи“. Однако сочиненіе это не представляетъ самостоятельнаго изслѣдованія русскаго права, а составляетъ лишь механическое соединеніе римской теоріи и русскихъ законовъ. Въ этомъ произведеніи отечественной литературы мы не встрѣчаемъ еще выдѣленія русскаго гражданскаго права въ совершенно самостоятельную отрасль правовѣдѣнія, хотя въ это время въ жизни стало сознаваться отличіе частнаго права отъ публичнаго (см. Наказъ Екатерины II). Замѣтимъ въ оправданіе русскихъ ученыхъ, что и въ сосѣдней Германіи частное право отождествлялось тогда съ римскимъ правомъ.

Разсматривая, какія науки читались въ концѣ прошлаго столѣтія на юридическомъ факультетѣ московскаго университета, мы находимъ, что по самому характеру преподаванія трудно было ожидать отдѣльнаго чтенія гражданскаго права. Кромѣ римскаго права, которое читалъ Баузэ, студентамъ предлагались слѣдующія чтенія: энциклопедія права и исторія права (Баузэ), теорія законовъ по Монтескьё (Шнейдеръ), право естественное и народное (медикъ Скіаданъ), этика (Шнейдеръ). Преподаваніе носило отвлеченно-философскій характеръ, было чуждо изученію положительнаго законодательства. Нѣкоторое исключеніе составляло только преподаваніе Горюшкина, читавшаго русское законовѣдѣніе и практическія въ немъ упражненія, причемъ послѣднія заключались въ писаніи бумагъ и изученіи дѣлопроизводства.

Послѣдній изъ указанныхъ преподавателей, Горюшкинъ, оставилъ руководство, по которому преподавалъ, „Руководство къ познанію россійскаго законоискуства“ 1811—1816 гг. Приглашенный въ московскій университетъ для чтенія вслѣдствіе его общеизвѣстной служебной опытности, доставившей ему, по словамъ современника, „славу именитаго московскаго адвоката и эмпирика“ ¹⁾, Горюшкинъ открылъ въ 1790 году свой курсъ вступительною лекціей, которая была напечатана потомъ подъ

¹⁾ Біографическій Словарь московскихъ профессоровъ, т. I, стр. 248.

заглавіемъ „Краткое разсужденіе о нуждѣ всеобщаго знанія россійскаго законоискуства и о томъ, что несравненно тягостнѣе приобрѣтать сію науку навыкомъ при отправленіи дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, нежели по правиламъ, избраннымъ изъ законовъ“. Заглавіе рѣчи достаточно характеризуетъ ея содержаніе.

Однако, хотя и прекрасный практикъ, Горюшкинъ не обладалъ обширной юридической эрудиціею. Его свѣдѣнія о римскомъ правѣ и иностранныхъ законодательствахъ были поверхностны и отрывочны. „Руководство“ Горюшкина лучше всего охарактеризовано профессоромъ Морошкинымъ, который замѣтилъ, что въ этомъ сочиненіи „борется сильная безформенная народность съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юриспрудентовъ“. Система изложенія Горюшкина, хотя и оригинальна, но не научна. Она построена на восхожденіи и усложненіи общественныхъ группъ, къ которымъ принадлежитъ гражданинъ, но при этомъ взяты случайныя историческіе моменты русскаго государственнаго быта, а не тѣ группированія, которыя обуславливаются законами развитія общественности. Начиная 1) съ правъ лица и семейства, Горюшкинъ переходитъ къ 2) правамъ сосѣдства, 3) правамъ селенія, 4) правамъ уѣздовъ, 5) правамъ городовъ, 6) правамъ губерній, 7) правамъ государственнымъ и наконецъ 8) къ правамъ народнымъ. Въ предѣлахъ этихъ рубрикъ изложеніе допускаетъ постоянныя смѣшенія основныхъ понятій, такъ что руководство Горюшкина, хотя и давало читателю не мало свѣдѣній по русскому праву, но совершенно неспособно было содѣйствовать развитію юридическаго образованія въ русскомъ обществѣ.

Начало царствованія императора Александра I ознаменовалось покровительствомъ наукъ и литературѣ. Кромѣ преобразованія московскаго университета, по уставу 5 ноября 1805 года учреждено было еще три русскихъ университета, въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Въ распредѣленіи кафедръ на юридическомъ факультетѣ или, какъ онъ тогда назывался, отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, замѣчается все тотъ же философскій духъ, который унаслѣдованъ былъ отъ прошлаго столѣтія. Центромъ преподаванія было естественное право, матеріальному гражданскому праву здѣсь не было еще мѣста. Недостатокъ ученыхъ силъ и элементарность

правовѣдѣнія той эпохи не даютъ еще основанія къ спеціализаціи въ юридическихъ наукахъ. Одинъ и тотъ же профессоръ читаетъ каждую изъ наукъ, какія только полагаются на его факультетѣ.

Между тѣмъ въ 1810 году появляется первая попытка систематическаго изложенія русскаго гражданскаго права. Именно профессоръ Терлаичъ издалъ въ С.-Петербургѣ „Краткое руководство къ систематическому познанію гражданскаго частнаго права Россіи“, въ 2 частяхъ, посвященное Новосильцеву. Руководство Терлаича отражаетъ на себѣ вліяніе эпохи и западной науки. Оно носитъ преимущественно философскій характеръ, нерѣдко переходящій въ сухую схоластику. Какъ образецъ послѣдней, нельзя не привести слѣдующаго мѣста. „По цѣли учености и употребленію познаній въ обществѣ ученые суть: или токмо любители наукъ или ученые по званію, сіи же ученые умозрительные или ученые потребители; употребители опять ученые дѣловые или учащіе, т. е. учителя; и наконецъ учителя суть или писатели или изустные наставники, хотя часто многія цѣли и роды употребленія учености производятся одною и тою же особою, какъ видно изъ опыта“ (т. I, стр. 10). Терлаичъ находится очевидно подъ вліяніемъ Канта, изъ котораго онъ приводитъ нерѣдко длинныя цитаты. Къ сожалѣнію, нельзя замѣтить въ изложеніи Терлаича связи между философіею и положительнымъ законодательствомъ, соединеніе ихъ представляется чисто механическимъ.

Въ то же время обращаетъ на себя вниманіе недостаточное знакомство Терлаича съ русскимъ правомъ, вслѣдствіе чего онъ нерѣдко переноситъ на русскую почву юридическія воззрѣнія, чуждыя его быту. Такъ напр. профессоръ даетъ слѣдующее опредѣленіе понятію о бракѣ: „бракъ есть сочетаніе двухъ лицъ разнаго пола для взаимнаго стяжанія общихъ свойствъ на всю жизнь; сіе стяжаніе пріобрѣтается обоюду совокупленіемъ тѣлеснымъ, которое есть первое начало и совершеніе брака“ (ч. I, стр. 97, ч. II, стр. 19). Очевидно Терлаичъ приписываетъ русскому праву взглядъ западно-католической церкви на *matrimonium consummatum*. Въ Руководствѣ встрѣчаемъ положеніе (ч. I, стр. 99, ч. II, стр. 27), будто по русскому праву родительская власть прекращается „рукопущеніемъ изъ подъ родительской власти (*emancipatione*)“, тогда какъ эта эманципація совершенно чужда нашему законо-

дательству. „Завѣщаніе духовное есть законное опредѣленіе наслѣдника или наслѣдниковъ имѣнію завѣщателя при его кончинѣ“ (ч. II, стр. 224), между тѣмъ какъ *institutio heredis* составляетъ особенность римскаго права и тѣхъ законодательствъ, которыя восприняли его положенія.

Руководство Терлаича раздѣлено на 2 части, изъ которыхъ первая составляетъ какъ бы введеніе ко второй, заключающая въ себѣ изложеніе началъ науки права, сродства ея съ другими отраслями знанія и историческій очеркъ развитія русскаго права. Въ концѣ первой части содержится изложеніе общихъ понятій гражданскаго права, подробное развитіе которыхъ отнесено ко второй части.

Право Терлаичъ опредѣляетъ какъ „совокупность тѣхъ условій, на которыхъ произволъ одного съ произволомъ другого состоятъ можетъ по всеобщему закону свободы“ (ч. I, стр. 94), слѣдовательно въ этомъ отношеніи авторъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Канта. Договорная теорія происхожденія общества также нашла себѣ сторонника въ немъ, — „опредѣленіе права, и ему соотвѣтственной должности, по человѣческому произволу, бываетъ токмо въ обществѣ гражданскомъ, коего цѣль есть защита правъ всѣхъ лицъ, составляющихъ оное, и коего члены, по предполагаемому первоначальному договору, яко основанію общества, должны повиноваться единому, идеальному ли или существенному лицу, яко первому начальнику общества“ (ч. II, стр. 24). Чрезвычайно оригинально понятіе автора о законѣ, далеко не соотвѣтствующее дѣйствительности, — „законы означаютъ всѣ тѣ установленія, кои никогда не перемѣняются, и коихъ не можетъ быть много“ (ч. II, стр. 21). Трудно понять, имѣлъ ли въ виду Терлаичъ идеаль законъ или онъ представлялъ себѣ такимъ образомъ дѣйствительность.

Разсматривая гражданское право, какъ „взаимныя отношенія частныхъ людей, опредѣляемыя положительными законами“ (ч. I, стр. 95), Терлаичъ устанавливаетъ слѣдующую систему гражданскаго права: 1) право лицъ, 2) право вещное, 3) право личное. Право лицъ „есть совокупность тѣхъ условій, на коихъ человѣкъ можетъ пріобрѣсти состояніе другого“ (ч. I, стр. 96) и включаетъ въ себѣ, по мнѣнію Терлаича, отношенія супружескія, отношенія между родителями и дѣтьми, отношенія по усыновленію и опеку. «Цѣль права лицъ есть пріобрѣтеніе другаго яко вещи и поступленіе съ нимъ яко съ

лицемъ, и по сему право лицъ называется и лично-вещнымъ» (ч. I, стр. 96). Еще оригинальнѣе понятіе о вещномъ правѣ, какъ «совокупности тѣхъ условій, на коихъ лице можетъ пріобрѣтать вещи, яко средства къ своей цѣли». Въ эту рубрику авторъ вводитъ право наслѣдованія, какъ по закону, такъ и по завѣщанію. Такимъ образомъ, видимъ совершенное отсутствіе системы въ Руководствѣ Терлаича, который могъ бы воспользоваться не только римской системой, усовершенствованной французскими юристами XVIII столѣтія, но и новою германскою системою, какую начертали уже въ то время Гуго и Гейзе. Въ виду отсутствія въ сочиненіи профессора Терлаича юридической теоріи, основательнаго знанія русскаго права и полной безсистемности изложенія, слѣдуетъ предположить, что оно не имѣло большого вліянія на выработку юридическаго мышленія и образованія русскихъ молодыхъ юристовъ.

Почти одновременно съ Руководствомъ Терлаича появляется сочиненіе профессора с.-петербургскаго педагогическаго института Василя Кукольника подъ заглавіемъ «Начальныя основанія россійскаго частнаго гражданскаго права», 1813—1815 г.г. Сочиненіе это состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая посвящена матеріальному гражданскому праву, или, по терминологіи автора, теоріи гражданскаго права, а вторая формальному праву или практическому обряду судопроизводства. Оно представляетъ собою сжатое изложеніе общихъ началъ гражданскаго права съ несравненно большимъ юридическимъ содержаніемъ, чѣмъ Руководство Терлаича. Нѣкоторые отдѣлы обработаны весьма педурно для своего времени, особенно наслѣдственное право, которому предшествуетъ даже историческій очеркъ развитія, и обязательственное право.

Согласно съ духомъ науки того времени, Кукольникъ находится подъ вліяніемъ ученія о естественномъ правѣ. «Естественное право, по мнѣнію автора, есть часть философіи, излагающая законы, открываемые намъ чистымъ разумомъ, которые должны служить основаніемъ положительныхъ законовъ, составляющихъ священную ограду правъ гражданъ, оными управляемыхъ». «Въ положительномъ законодательствѣ должно полагать общимъ правиломъ то, чтобъ безъ крайней нужды не удаляться отъ естественнаго права, иначе законы будутъ не тверды, непрочны, иногда же и несправедливы» (ч. II, стр. 14). Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ на зна-

ченіе естественнаго права стоитъ взгляды Кукольника на законъ. «Законъ, въ общемъ юридическомъ знаменованіи, есть правило, налагающее на насъ нравственную необходимость соображать съ онымъ свободныя наши дѣянія. Нравственная необходимость, налагаемая на насъ закономъ, называется также нравственною обязанностью. Оную или внушаетъ намъ здравый разумъ, представляя слѣдствія предпринимаемыхъ нами свободныхъ дѣній, или предписываетъ верховная власть, угрожая за несоблюденіе ея воли наказаніемъ. Въ первомъ случаѣ законъ бываетъ естественный, въ семъ же послѣднемъ положительный» (ч. I, стр. 1). Такимъ образомъ Кукольникъ въ своемъ понятіи о законѣ расходится далеко съ современнымъ намъ понятіемъ, считая положительный законъ лишь видомъ юридическихъ законовъ. Конечно, естественные законы онъ понимаетъ не въ смыслѣ прирожденныхъ намъ началъ справедливости.

Признавая, что содержаніе частнаго права составляютъ «взаимныя отношенія гражданъ между собою по ихъ лицамъ и имуществамъ» (ч. I, стр. 5), Кукольникъ придерживается въ изложеніи римской системы. «Теорія, по различію предметовъ оной, раздѣляется на три отдѣленія: 1) о лицахъ, состояніи оныхъ, о правахъ и обязанностяхъ, проистекающихъ отъ личнаго состоянія гражданъ; 2) о вещахъ и о правахъ и обязанностяхъ съ оными сопряженныхъ; 3) о дѣяніяхъ и о правахъ и обязанностяхъ отъ оныхъ проистекающихъ» (ч. I, стр. 10). По мнѣнію Кукольника, для изученія гражданскаго права необходимы вспомогаельныя знанія. Для достиженія причинъ и цѣли законовъ требуется основательное знакомство съ отечественною исторіею, для точнаго примѣненія законовъ къ дѣяніямъ, предполагающаго искусство въ правильномъ умствованіи, юристу необходима наука логики. Но авторъ очевидно нѣсколько увлекается, когда говоритъ, что такъ какъ предметы права суть лица, вещи и дѣянія, то для юриста необходимы «науки, относящіяся къ онымъ, какъ антропология вообще и психология въ частности, физика, архитектура, технология, наука сельскаго домоводства и прочія естественныя науки, предметы коихъ суть вещи, составляющія имущество гражданъ» (ч. I, стр. 7).

При чтеніи Кукольника непріятно поражаетъ своеобразная терминологія автора, такъ *detentio* онъ называетъ грам-